

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

люди искусства

ВО ВЛАСТИ ПОИСКА

Г. ПАПАЯНЦ

Артистический портрет Хорена Абрамяна выдержан в красках часто очень ярких, порой резко контрастных. Далеко не сентиментальный актер, он стал известен именно сентиментальными фильмами, человек глубокий, пронизательный, а изображал многие годы на сцене и экране легкомысленных ловеласов. И долго, даже тогда, когда с блеском была сыграна первая серьезная роль, он по инерции в «картотеках» постановщиков числился актером только одного амплуа — неотразимого героя-любownika.

Впрочем, артист и сам не очень-то противился этому взгляду на его творческие возможности. Перед высоким, с красивой внешностью выпускником Ереванского театрального института широко распахнулись двери театра и кино, и он с неуголимой жадностью брался за любые роли. Абрамян так часто появлялся в новых армянских кинолентах, что на «Арменфильме» стали подгуживать: «Не создана ли студия для него?» Да и в Театре имени Г. Сундукяна, куда он поступил после окончания вуза, почти ни одна премьера с видным молодым героем не проходила без его участия.

С именем Хорена Абрамяна как-то и не вяжутся слова «нелегкая судьба». Но только он сам знает, как часто ему (и пусть это не покажется странным) в своем творчестве приходилось преодолевать себя. Когда режиссеры «прокатывали» его внешность, он всем артистическим нутром тяготел к глубокой, психологически достоверной игре, когда ему стали поручать серьезные роли, многие начали поговаривать и убеждать: «Абрамяну мешают импозантная внешность».

Перелом в судьбе Абрамяна наступил после исполнения им роли Арама в спектакле «Шестьдесят лет и три часа» Александра Араксмяна.

Актер в этой постановке был совершенно неузнаваем, все было новым: и внешность, и манера игры, и интонации. Даже те, кто хорошо знал его, не могли минуты невольно в темноте зала вглядывались в программки, ища фамилию «незнакомому» исполнителю. Думаю, и Рачия Капалаян, один из первых режиссеров, разглядевших истинную силу дарования артиста, до последних репетиций не предвидел, что центром внимания станет образ Арама, не главного героя спектакля.

Созданный Абрамяном образ был принципиально нов для самого актера и помогал сидящим в зале определить «моральный индекс» происходящих на сцене событий с высоты нравственной ответственности современного человека перед временем и обществом.

Восстанавливая теперь в памяти сыгранные Абрамяном более чем за двадцатилетний творческий путь роли, я отчетливо начинаю отличать среди множества созданных им образов некоторые (в том числе и Арама), стоящие в крепкой связи друг с другом и составляющие своеобразный сценический и экранный портрет поколения артиста. Абрамян сумел стать выразителем настроений, оптимизма, душевной чистоты, горячего стремления к созиданию, потому что сам жил его интересами и умел увидетьное, глубоко прочувствованное сделать фактом искусства.

Как живописец открывает в природе любимые цвета, так и артист ищет в жизни то, что близко и дорого ему. Он очень доверяет своей памяти, во многом она для него источник творческого обогащения. Помню один из вечеров, проведенных в семейном кругу Абрамянов. Хорен Бабкеневич рассказывал сыну и дочери о своем детстве, об Ереване военных лет, о том, как он, юный скрипач, вместе с матерью, преподавателем музыки, полуголодные, сгорая от стыда, часами простаивали на «толкучке», чтобы продать последние вещи. Я понял, воспоминания эти грустной нотой вошли в образ Арама.

В привязанности Абрамяна к современной тематике, желании высказаться по волнующим общественность проблемам не трудно заметить четкую гражданскую направленность его искусства. И она проявляется прежде всего в решении сценических задач, умении обогащать образ жизненными наблюдениями, максимально приближать его к душевному настрою современного человека.

Резкая индивидуальность артиста, стилистическая свежесть в манере игры выдвинули Абрамяна в число ведущих мастеров армянского сценического искусства и принесли ему подлинное признание. Как говорят старые театралы, публика вот уже много лет с большой охотой идет «на него». Огромна притягательная сила его исполнительского мастерства. Когда он на сцене, зритель не бывает безучастен — он в мире переживаний и раздумий артиста.

— За это надо бороться, — говорит Хорен Бабкеневич. — Грош цена представлению, если оно не захватило зрителя. Малейшая фальшь смертельна, она обрывает нить веры в образ. И становись тогда для зала просто играющим артистом, на тебя смотрят, смотря, как ты двигаешься, как говоришь, как стараешься изображать страдания или радость. С истинно большим мастером зрители мучаются и радуются наравне. Власть же такая достигается непрерывным трудом, мастерством. А совершенного мастерства постоянно не бывает. Об этом, кажется, лучше и точнее сказал французский художник Дега: «Если у тебя есть мастерства на сто франков, купи еще на пять су». Даже очень крупным мастерам, думаю, нужно ежедневно покупать на пять су мастерства.

Хорен Абрамян в своем творчестве часто круто и смело отходит от исполнительской традиции в армянском театре. Так было и с прочтением образа Пэпо. Этот классический персонаж бессмертной комедии Г. Сундукяна имеет очень большую сценическую историю. И то, что показал артист в новой постановке «Пэпо», не могло не вызвать бурного интереса. Он утверждал новый взгляд на героя, играл не героя-одиночку, а человека масс, стремился сделать его более естественным и жизненно достоверным. «Преодолевая традицию, — считает артист, — мы вовсе не разрушаем ее, а развиваем. Времени висит серьезные коррективы в устоявшиеся трактовки классических произведений. И мы обязаны быть чуткими, если не хотим сами оказаться старомодными».

Умение выдвигать свою оригинальную трактовку — сильная черта дарования

Абрамяна. И не случайно, что в последние годы он как в театре, так и в кино с успехом стал выступать и в роли режиссера. Яркий пример тому — фильм «Братья Сарояны», где он является исполнителем одной из главных ролей и сопостановщиком. За эту работу народный артист Армянской ССР Хорен Абрамян с другими создателями картины удостоен Государственной республиканской премии, а на всесоюзном кинофестивале в Минске был назван в числе лучших исполнителей мужских ролей.

Большой отклик вызвала игра Абрамяна в спектакле «Председатель республики» З. Дарьяна. Мы увидели великодушного мастера в постановке, осуществленной Вартаном Аджемьяном, мастера, создавшего образ стойкого ленинца.

Мне не приходилось видеть еще Абрамяна, с таким блеском играющего паузы. Старый актер, смотревший со мной спектакль, был потрясен его «говорящими глазами». «Давно, после незабываемого Рачия Нерсисяна, я не видел больше на нашей сцене говорящих глаз», — шептал он растроганно.

Вероятно, можно вспомнить немало имен выдающихся артистов, не игравших никогда в шекспировских спектаклях, но, видимо, нет актера, не мечтавшего о своем Шекспире. Давно, со студенческих лет мечтал о своем Шекспире и Абрамян. Мечтал и упорно готовился к встрече с ним.

Отелло Абрамяна словно всколыхнул армянских шекспироведов. На моей памяти ни одна актерская работа в нашем театре по крайней мере за последние десять лет не вызвала таких споров, как эта.

С того дня страстных споров прошло немало времени, когда я, сам не знаю почему, вновь вспомнил те обсуждения и спросил его впервые, как все-таки он сам относится к своей работе над ролью Отелло.

— Опять о мавре? — рассмеялся он. Затем задумался и после короткой паузы вернулся к моему вопросу. — Знаю, после таких корифеев, как Ваграм Папазян и Рачия Нерсисян, нашему избалованному зрителю трудно принять какого-либо другого актера в этой роли. Но великие актеры уходят, а роли остаются. И их должны исполнять другие. Это, ясно. Не одинаково актеры прошлого играли Отелло. В разном видели причину его трагедии — в ревности, в доверчивости. Я же все несчастья мавра вижу в его одиночестве. Этот человек страшно одинок, хотя и всегда в окружении людей. Он ни в чем не находит родное, близкое по-настоящему — ни в быту, ни в обществе. Не удивляйтесь, и Дездемона не та женщина, которая нужна ему и должна быть рядом. Между нею и мавром — незримая стена отчуждения. Таким я вижу Отелло и таким его играю.

Абрамян и сегодня ищет своего Шекспира. Он весь поглощен теперь Гамлетом. В армянском варианте фильма он дублирует Смоктуновского. И эту работу Хорена Бабкеневича я бы поставил вровень с его лучшими достижениями — так великолепен его экранный перевод.

Какую бы роль ни исполнял Абрамян, он стремится всегда играть яркую личность. Для него не важен род занятий, профессия, положение персонажа. Важны взгляды, душевная самоотдача героя, увлеченность делом и особенно проявления его человеческих качеств в тех или иных сложных жизненных ситуациях.

В связи с этим запомнилось мне и одно выступление Абрамяна на художественном совете Театра имени Г. Сундукяна.

— Как-то недавно от одного физика я услышал: «Театр и зритель — как сообщающиеся сосуды, уровень одного зависит от уровня другого», — сказал Хорен Бабкеневич. — Ученый по-своему точно и образно выразил взаимоотношения театра и зрителя. Нелегко быть на уровне времени, а иначе не имеем права. Не мнимая значительность, а истинно большие темы, не мнимо оригинальные герои, а личности, действительно крупные, должны мы поднимать на сцену. А таких можно подсмотреть немало и среди рабочих, и среди инженеров, и среди ученых. Театр пока слабо вторгается в жизнь, в ту сферу, где научно-техническая революция — реальность, а не газетная строка, реальность с комплексом не только научных и производственных проблем, но и морально-этических. Сегодня нельзя быть на сцене правдивым в образе современника, не ощущая всем существом сдвиги в обществе, в духовной организации человека труда.

Хорен Абрамян вечно в поисках нового, близкого и дорогого людям, его зрителям. И если в каком-либо спектакле или фильме вы будете захвачены его игрой, не ищите сравнения, поверьте, вы открываете для себя грани чистого абрамянского дарования, с вами искренно и доверительно говорит своим искусством актер, наш современник.